

Н.К. Онипенко

От предложения к тексту (текстовые функции изолированного именительного падежа)

1.0. В 1986 г. вышла замечательная книга Ирины Ильиничны Ковтуновой «Поэтический синтаксис». В этой работе получили свою текстовую интерпретацию многие синтаксические объекты, в частности, номинативные предложения и обращения. Именно в этой книге И.И. Ковтунова связала ряды номинативных предложений в поэтических текстах с «тенденцией к сплошной предикативности» [Ковтунова 1986, 153] (то есть не с номинацией, а с предикацией) и с проблемой точки зрения, с «присутствием позиции наблюдателя» [там же, 156-157].

В настоящей статье, в согласии с этими идеями И.И. Ковтуновой, будут рассмотрены такие традиционные объекты системного синтаксиса, как номинативное предложение, обращение, вокативное предложение и именительный темы, с учетом идей теории коммуникативной грамматики [Зодолова и др. 1998].

В рамках уровневой концепции русской грамматики эти объекты не могут быть адекватно интерпретированы, поскольку (и это убедительно показала в своей книге И.И. Ковтунова) являются результатом взаимодействия структуры предложения и текста. Поэтому для анализа подобных явлений нужна грамматическая теория, позволяющая соединить системное представление языковых единиц и текст. Такой теорией является концепция коммуникативной грамматики.

1.1. Традиционная русская грамматика подробно разработала формальный аспект языковых единиц, но для соединения в одном исследовании структуры, семантики и функции необходимы такие лингвистические "инструменты", которые бы обнаружили связь между словом, предложением и текстом, во-первых, и грамматической системой и текстом, во-вторых. Теория коммуникативной грамматики предложила такие грамматические инструменты. Это

- модель субъектной перспективы,
- понятие коммуникативного регистра речи,
- таксис как техника межпредикативных отношений в тексте.

[Золотова и др. 1998]

Если конкретное высказывание исследовать с использованием каждого из трех инструментов, то станет очевидным, что отношение высказывания к действительности интерпретируется системой коммуникативных регистров, отношение субъекта сообщаемого факта к субъекту сообщения представлено субъектной перспективой, а отношение высказывания к другому высказыванию объясняется теорией таксиса.

Эти идеи восходят к трудам В.В. Виноградова: в основе модели субъектной перспективы - с одной стороны, грамматическая и стилистическая интерпретация категории лица, с другой – структура «образа автора»; теория коммуникативных регистров речи опирается на принципы лингвистического анализа текста, разработанные В.В. Виноградовым и изложенные им в статье «О стиле «Пиковой дамы» (1936 г.), в книге «Стиль Пушкина» (1941 г.) и в раздел книги «Русский язык» (1941), посвященном глаголу.

Коммуникативная грамматика рассматривает значимые единицы языка как трехмерные, как результат взаимодействия формы, значения и функции. Трехмерными оказываются и синтаксемы (минимальные синтаксические единицы), и предложения (минимальные коммуникативные единицы).

Коммуникативная грамматика строит классификацию предложений на основании следующих признаков:

1. изосемичность/неизосемичность компонентного состава,
2. степень зависимости модели предложения от контекста (свободные – синтаксически обусловленные модели),
3. объем грамматической, структурно-семантической и функциональной парадигм,
4. степень лексикализованности синтаксических значений (фразеологизованные /нефразеологизованные),
5. принадлежность к центру системы (базовые модели), к периферии полей базовых структур (синтаксически обусловленные структурно-семантические модификации, экспрессивные модификации, полипредикативные конструкции).

Центральные модели, располагающие большими грамматическими, структурно-семантическими и функциональными парадигмами квалифицируются как **свободные**, поскольку они не имеют ограничений в образовании ни грамматических форм, ни структурно-семантических модификаций, а также не имеют ограничений в плане регистровых возможностей - степень их зависимости от контекста минимальная.

Свободные модели предложения не закреплены за определенным регистром, то есть допускают разные модусные рамки, характеризуются изосемичностью компонентного состава, широкими структурно-семантическими, грамматическими и функциональными возможностями. Например, модель со значением "Субъект и его действие": (1) может употребляться в разных грамматических формах (*Он читает (читал, будет читать) книгу; Читал бы он книгу/ Читай книгу*); (2) допускает различные структурно-семантические модификации (*Он хочет читать книгу; Ему читать книгу; Он начал/кончил читать книгу*); (3) употребляется в разных коммуникативных регистрах - без структурных изменений или при определенной "подстройке" к соответствующим регистровым условиям (*Он сидит и читает книгу* - репрод.; *Он уже читает книги* = может читать - информативн.; *Человека можно узнать по тем книгам, которые он читает* (С.Смайлс) - генеритивн.; *Не читайте что попало* (Тургенев) - волюнтивн.; *Ну ты и читаешь!* - реактивн.).

Синтаксической обусловленностью характеризуются структурно-семантические модификации и полипредикативные конструкции, то есть периферия поля конкретной базовой модели.

Синтаксическая обусловленность выражается, прежде всего, в прикрепленности к определенному коммуникативному регистру. При этом очень часто регистрово обусловленные модели характеризуются и определенной субъектной перспективой. Так, предложения с Дат. п. субъекта (*Ему этого не понять; Ему завтра работать; Быть ему битым*) принадлежат информативному регистру или волюнтивному при наличии адресата-исполнителя (*Завтра всем быть на плацу ровно в семь*), а номинативные предложения (*Ночь. Улица. Фонарь. Аптека*) - репродуктивному, чаще в его описательной разновидности.

Именно синтаксически обусловленные модификации базовых моделей (в отсутствие лексических модусных показателей) маркируют коммуникативный регистр речи, а значит, для характеристики каждого из коммуникативных регистров интересны не столько свободные, центральные структуры и их составляющие, сколько периферийные, неизосемические.

1.2. А теперь обратимся к изолированному именительному падежу.

В русской грамматической науке изолированный именительный падеж на уровне синтаксиса представлен терминами: «номинативное предложение», «назывное предложение», «экзистенциальное (бытийное) предложение», «обращение», «именительный темы», «вокативное предложение».

Анализируя отрывок из «Евгения Онегина»:

*Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!*

исследователи обратили внимание на то, что именительный падеж *Москва* в этом фрагменте выполняет две различные функции. В третьей строке это обращение, что подтверждается наличием второго лица, а в четвертой строке именительный падеж используется для того, чтобы обратить внимание на само слово, на те представления, которые возникают у говорящего в связи с этим словом. Такое употребление имен. падежа называют «именительным представлением» или «именительным темы» и квалифицируют это явление как не относящееся к уровню предложения.

В поэтическом тексте функции обращения и именительного темы соединяются, см., например, стихотворение М. Цветаевой «Домики старой Москвы»:

*Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы,*

*Кудри, склоненные к пядьцам,
Взгляды портретов в упор...
Странно постукивать пальцем
О деревянный забор?*

*Точно дворцы ледяные
По мановенью жезла.
Где потолки расписные,
До потолков зеркала?*

*Домики с знаком порода,
С видом ее сторожей,
Вас заменили уроды, -
Грузные, в шесть этажей.*

*Где клавишина аккорды,
Томные шторы в цветах,
Великолепные морды
На вековых воротах,*

*Домовладельцы – их право!
И погибаете вы,
Томных прабабушек слава,
Домики старой Москвы.*

Подчеркнутые строки - это обращения, поскольку они соседствуют со 2-м лицом (*исчезаете вы, погибаете вы, вас заменили уроды*), но не только. Обращение здесь оказывается способом введения темы. И здесь обращение сближается с именительным темы.

В стихотворении М. Цветаевой «Стол» адресованность слова более сильная (из-за соседства с другими предложениями, обращенными к адресату – *Спасибо*), хотя и здесь изолированный именительный падеж является не только

средством адресации текста (обращением), но и способом представления и раскрытия темы:

Мой письменный верный стол!

Спасибо за то, что шел

Со мною по всем путям.

Меня охранял – как шрам.

Мой письменный вьючный мул!

Спасибо, что ног не гнул

Под ношей, поклажу грез –

Спасибо – что нес и нес.

И 11-я строфа этого стихотворения:

Так будь же благословен –

Лбом, локтем, узлом колен

Испытанный, - как пила

В грудь въевшийся – край стола!

И.И. Ковтунова рассмотрела три типа совмещения функции обращения с другими функциями Имен. падежа: «обращения, характеризующие адресата», «обращения, совмещающие в себе функции адресации и номинации», «фразовые номинации в функции обращения» [Ковтунова 1986, 104-118]. Анализ текстов с обращениями позволил И.И. Ковтуновой прийти к выводу о том, что «в структуре поэтического текста могут стираться границы между предложением и его частью», что «лирический текст обнаруживает <...> принципиальное отсутствие непреходимых границ между предложением и текстом» [с. 118].

Диалогически обусловленные, обращение и вокативное предложение обычно исследуются в рамках синтаксиса речи, поскольку связаны с функцией адресации, именительный темы – стилистики художественной речи. С точки зрения коммуникативной грамматики различие между обращением и именительным темы интерпретируется через их регистровую принадлежность и субъектную перспективу. Обращение принадлежит волюнтивному регистру и является особым речевым актом – побуждением к слушанию; обращение имеет в субъектной перспективе адресата – реального партнера по речи или вымышленного. Во втором случае создаются условия для соединения функций обращения и именительного темы. Именительный же темы принадлежит монологической речи – информативному или генеритивному регистру. В генеритивном регистре соединяются не только функции обращения и именительного темы, но и функция вокативного предложения. См. пример:

О люди! Все похожи вы

На прародительницу Еву:

Что вам дано, то не влечет;

Вас непрестанно змий зовет

К себе, к таинственному древу:

Запретный плод вам подавай,

А без него вам рай не рай.

(Пушкин)

Этот отрывок И.И. Ковтунова приводит как пример обращений-номинаций. Она пишет: «свобода от информативных определений при имени в обращении, отсутствие в нем слов с признаковым значением и – одновременно с этим – выражение характеристики в окружающем обращении контексте выдвигает на

первое место в обращении функцию именованя предмета речи» [Ковтунова 1986, 113].

Концепция коммуникативной грамматики позволяет дополнить наблюдения И.И. Ковтуновой, указать причину соединения разных синтаксических функций. Условия, в которых (1) на первый план выдвигается номинативная функция и (2) соединяется с функцией обращения и оценки, характеризуются признаками генеритивного регистра. Именно в условиях генеритивного регистра субъект становится обобщенно-личным, а время всеобщим, номинация, предикация и оценка, взаимодействуя, соединяются в одной синтаксеме, предметные имена приобретают признаковое значение. Поэтому, рассматривая пример из Пушкина, оформленный средствами генеритивного регистра, можно сказать, что в нем соединились обращение (2-е лицо), именительный темы и вокативное предложение (снижительно-оценочная интонация).

Различение же этих синтаксических объектов не принадлежит области формы, но связано с функцией, то есть с областью текстового функционирования изолированного именительного падежа. В волюнтивном регистре работает обращение. Но если обращение из контактоустанавливающего речевого акта превращается в самостоятельный речевой акт, то синтаксисты квалифицируют его как вокативное предложение. В условиях волюнтивного регистра это может быть предостережение или запрет, а в условиях реактивного регистра – средство выражения эмоционального состояния говорящего (радость, удивление, упрек). Перечисленные А.А. Шахматовым значения (упрек, сожаление, укор, негодование) [Шахматов 2001, 86], относятся именно к реактивному регистру.

2.1. Еще одна текстовая функция изолированного именительного была обозначена термином «номинативное предложение». Это понятие используется в тех случаях, когда при помощи изолированных именительных падежей автор рисует пространство, в рамках которого будет развиваться действие, описывает обстановку или внешность субъекта, см., например, у А. Белого: «*И вот: Николай Аполлонович обернулся назад и уставился прямо в лицо господинчику; лицо ничего не сказало: котелок, трость, пальто, борода*» (Петербург).

Особенность этих предложений в том, что они соотносятся с точкой зрения прямого наблюдателя, то есть их субъектная перспектива такова: субъект речи и субъект восприятия совпадают в одном лице; субъектом диктума является внешнее пространство, в котором находится субъект восприятия и речи (*Черный ветер. Белый снег; Сумерки, сумерки вешние, Хладные волны у ног - Блок*). Само же предложение принадлежит репродуктивному регистру, чаще в его описательной разновидности. В начале текста именно «номинативные предложения» маркируют репродуктивный регистр речи. Вспомним известную строку из стихотворения А.Блока, которая обычно оказывается примером односоставных «назывных», «номинативных» предложений – *Ночь, улица, фонарь, аптека*. И рассмотрим все стихотворение целиком:

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.*

*Умрешь – начнешь опять сначала,
И повторится все, как встарь:*

*Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

Первая строка принадлежит «здесь» и «сейчас» конкретного наблюдателя. Она организуется перцептивно обусловленной лексикой и четырьмя нераспространенными номинативными предложениями, но уже во второй строке появляется оценочное прилагательное *бессмысленный*, которое, соединяясь с перцептивным (световым) прилагательным *тусклый*, не позволяет нам прочесть слово *свет* однозначно (свет фонаря или свет как мир, этот свет?), тем самым вторая строка соединяет информативность и репродуктивность. С третьей строки начинается генеритивный регистр, в котором представлено общечеловеческое Я, одинокое Я, не видящее смысла в жизни, поскольку жизнь оказывается цепью повторений. В этом контексте последние две строки, состоящие из пяти номинативных предложений, прочитываются по законам генеритивного регистра. Если же эти две строки отделить от предшествующего контекста, то они вновь оказываются репродуктивными.

2.2. Для подобных предложений используют разные термины: «номинативные предложения», «назывные», «экзистенциальные», «бытийные» [Шахматов, 1941 (2001); Пешковский 1928 (2001); Арутюнова, Ширяев 1983]. Причем под этот тип подводятся не только предложения репродуктивного регистра, но и (по формальному признаку падежа) другие синтаксические структуры: и *В лесу тишина* (= *В лесу тихо*), и *Шаг, еще шаг*, и *Тишина!* (побудительное), *У него грипп*, *С ней обморок*.

А.А. Шахматов в своей классификации односоставных предложений использовал термин «бесказуемо-подлежащие предложения» и отнес к ним «односоставные номинативные» типа *Зима*, *Мороз*, *Пожар*. В «Синтаксисе русского языка» читаем: «Подлежащие предложения, так же, как и другие односоставные предложения, выражают сочетание субъекта с таким предикатом, который соответствует представлению о бытии, наличности, появлении данного субъекта; таким образом это предложения *экзистенциальные*» [Шахматов 2001, 50]. Другая точка зрения принадлежит А.М. Пешковскому, который писал о номинативных предложениях так: «Под этим условным обозначением мы объединим все те предложения, в которых сказуемым является, по нашему мнению, **именительный падеж существительного** и в которых по самой природе их не может быть **ни подлежащего, ни глагольного сказуемого**» [Пешковский 2001, 343]. Пешковский разделил номинативные предложения на три типа: экзистенциальные, указательные и назывные. К экзистенциальным он отнес не только повествовательные (*Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин* – Чех.), но и восклицательные (*они тотчас: Разбой! Пожар!* – Гриб.). Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев возвели все предложения с именительным падежом в роли главного члена односоставного предложения к одной синтаксической структуре, в которую входят локатив (локализатор или имя класса объектов), бытийный глагол и номинатив [Арутюнова, Ширяев, 1983] и квалифицировали их как «бытийные предложения».

А.В. Исаченко, выделив слова *есть*, *нет* и *налицо* в особый класс слов – «предикативы наличия», решал вопрос о синтаксическом статусе именительного падежа следующим образом: «Трудно также считать это слово

подлежащим, ибо тогда пришлось бы в отрицательной форме («у меня нет карандаша») слово *карандаша* тоже признать подлежащим, что по меньшей мере неубедительно. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с особым членом предложения, обозначающим «носителя состояния» и согласующимся с предикативом там, где это допускает форма, но по своей функции не совпадающим ни с подлежащим, ни с дополнением» [Исаченко 1954, 380].

2.3. С точки зрения коммуникативной грамматики, так называемые «номинативные» предложения являются структурно-семантическими модификациями предложений с разными типовыми значениями, например, «Субъект пространственный и его состояние» или «Субъект личный и его состояние».

Если использовать критерий изосемичности, то станет понятно, что форма именит. падежа в номинативных (или бытийных) предложениях может быть представлена существительными разной семантики:

(а) конкретными - *Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии* (Грибоедов); *На небе месяц* - и ... (Тютчев)

(б) именами действия - *А в доме стук, ходьба метут и убирают* (Грибоедов)

(в) именами качества, состояния - *В доме чистота, В ее глазах печаль; На сердце тяжесть* - *Земное ль в ней очарованье, Иль неземная благодать?* (Тютчев) *Теперь уж пусто все - простор везде* (Тютчев).

Отнесение всех этих предложений к одному типу не приближает нас к языковой сущности - сущность этих предложений скроется за внешней похожестью формы.

Различительным признаком является не только категориальное значение существительного в именительном падеже, но и тип так называемого «локализатора» (термин Н.Д. Арутюновой и Е.Н. Ширяева), вернее, тип субъектной синтаксемы, то есть отнесенность именных или наречных синтаксем к разряду субъектов пространственных, личных или предметных и пропозициональных (событийных).

Соотнесем разные типы «бытийных предложений» с классификацией базовых предикатов и типов субъектов:

Семантика Им. п. Тип субъекта	Действие	Состояние	Качество	Предмет Люди, животн.
Личный	<i>У него работа.</i>	<i>У него грипп.</i>	<i>В ней одни до-стоинства.</i>	<i>У него машина. У нее дети. В глазах печаль.</i>
Не-личный (предметный)	<i>В моторе стук У нее сплошной пересказ.</i>	<i>На палубе грязь</i>	<i>В конструкции дефекты</i>	<i>На скатерти крошки.</i>
Вне-личный (пространственный)	<i>На улице шаги. В лесу тишина.</i>	<i>На улице слякоть.</i>	<i>Вокруг красота.</i>	<i>В комнате рояль. На стене картина.</i>
Пропозицио- нальный	<i>В этом деле ошибки.</i>	<i>В/на работе затишье.</i>	<i>В его музыке простота и величие.</i>	<i>В мечте герои.</i>

2.4. В предложениях с номинативным предикатом может появляться и субъект-наблюдатель, выраженный синтаксемой «перед + Твор. п.». Эта синтаксема организуется личными существительными и местоимениями. Сравним примеры:

1. (а) *Налево флигелек, перед ним звено забора, перед флигелем кусты, большое дерево, стол и скамья, на заднем плане ворота* (Островский);

(б) *На вершине обрыва видны были остатки плетня...; перед ним широкие листья лопуха* (Гоголь)

2. (а) *Пред ним roast-beef окровавленный,*

И трюфли, роскошь юных лет,

Французской кухни лучший цвет,

И Страсбурга пирог нетленный

Меж сыром лимбургским живым

И ананасом золотым. (Пушкин)

(б) *Вздвигнув, она смотрит... и что же? Пред нею мать* (Пушкин)

(в) - *Нет, нет! – испуганно говорила Маргарита и трясла мастера за плечо. – Опомнись! Перед тобою действительно он!* (Булгаков)

(г) *И предо мной твой облик нежный И детски-чистое чело* (Фет)

Примеры под цифрой 1 обусловлены точкой зрения наблюдателя, который видит кусты на фоне флигеля и лопух на фоне плетня, в этих предложениях локативная синтаксема «перед + Твор.», при этом наблюдательный пункт находится ближе к тому объекту, который выражен именительным – наблюдательный пункт и пространственная точка отсчета не совпадают. Примеры под цифрой 2 выражают иную ситуацию – совпадение пространственной точки отсчета и наблюдательного пункта говорящего. В примерах 2-б,в,г именные синтаксемы «перед + Твор.» обозначают «перед глазами» (2-б,в - реальном пространстве, 2-г – в мыслимом, воображаемом), то есть «номинативные» предложения выражают не описание пространства, а перцепцию субъекта личного. В примере 2-а соединены перцептивное и экзистенциальное значения: Пушкин говорит не столько о том, что увидел Онегин, сколько о том, что было на столе.

2.5. Различия между разными типами «номинативных» предложений не только в семантике синтаксем именительного падеже и типе «локализатора». Тип «локализатора» имеет непосредственное отношение к регистровой принадлежности рассматриваемых моделей предложения.

С этой точки зрения интересно сравнить "Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы" А.С.Пушкина и "Бессонницу" Ф.И.Тютчева и вспомнить анализ первого стихотворения, предложенный Р.Якобсоном [Якобсон 1987]. Напомню:

(1) *Мне не спится, нет огня;*

Всюду мрак и сон докучный.

Ход часов лишь однозвучный

Раздается близ меня,

Парки бабье лепетание,

Спящей ночи трепетание,

Жизни мышшь беготня...

(2) *Часов однообразный бой,*

*Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятней каждому, как совесть!*

*Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?*

.....
*И последняя строфа:
Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!*

Оба стихотворения начинаются номинативными предложениями, но в пушкинском стихотворении они принадлежат репродуктивному регистру (*всюду мрак и сон докучный*) и актуальному времени, а у Тютчева стихотворение начинается информативным регистром, что соединяет функции номинативного предложения и именительного темы.

Но в пушкинском стихотворении есть еще именительные падежи, которые при определенном пунктуационном оформлении относят к уровню предложения. Р.Якобсон, анализируя стихотворение Пушкина и отмечая преобладание в нем имен, предлагает следующую интерпретацию строк *Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье, / Жизни мышья беготня...*: "с большим вероятием следует полагать, что эти три номинатива вместе с их определителями просто образуют односоставные именные предложения восклицательной окраски" [Якобсон 1987, 200]. В тексте, который анализировал Р. Якобсон, эти строки идут после точки, что и стало основанием для их квалификации как предложений, но почему односоставных?

Дело в том, что, в отличие от предшествующих репродуктивных номинативов, в этих трех строках Им.п. функционирует в условиях информативного регистра и не является самостоятельным номинативным предложением. Скорее, это парцеллированное приложение к именной группе *ход часов*. Пушкинское стихотворение отличается сложной синтаксической композицией: 4 первых строки - репродуктивный регистр, три следующих - информативный, попытка интерпретировать голос времени, предложить варианты ответов на вопросы, кто же с нами говорит и о чем (при этом Пушкин ставит многоточие - ряд можно продолжать), шесть следующих строк - пять вопросов и одно обращение - принадлежат волонтивному регистру, заканчивается стихотворение двумя строками информативного регистра (*Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу...*). Существительные *мрак, сон*, так же как и *ход, огонь*, принадлежат наблюдаемому пространству, которому могли бы принадлежать и девербативы *лепетанье, трепетанье, беготня* (все они образованы от акциональных глаголов перцептивного ранга), но это не констатация наблюдаемого, а мнение, три версии, интерпретирующие время.

3.1. Итак, исследования с точки зрения идей коммуникативной грамматики позволяют сделать вывод, что для интерпретации предложений, которые принято относить к односоставным номинативным, следует учитывать, как

минимум, три фактора: семантику существительного в именительном падеже, тип субъекта (пространственный, личный или предметный) и регистровую принадлежность предложения.

С учетом этих факторов систему «номинативных» предложений можно представить следующим образом:

Категориальн. значение имени Коммун. регистр речи	Действие	Состояние	Качество	Предмет
Репродуктивно-описательный	<i>Во дворе шаги. Шепот. Робкое дыхание.</i>	<i>За стеной тишина.</i>	<i>В комнате чистота. На ней что-то красное.</i>	<i>В комнате стол и стул.</i>
Репродуктивно-повествовательный	<i>Шаг, еще шаг</i>	-	-	-
Информативно-описательный	<i>В казарме воровство. У меня работа.</i>	<i>В городе паника. У нее грипп. С деньгами напряженка.</i>	<i>В ней прелесть юности</i>	<i>В Москве 8 вокзалов. У него машина</i>
Информативн.-повест.	<i>Сначала подъем, потом зарядка, завтрак, работа...</i>			<i>Письмо, опять письмо</i>
Волюнтивный	<i>Подъем! Выбор за тобой!</i>	<i>Тишина! Пожар!</i>	-	<i>Люди! Машина!</i>
Реактивный	<i>Ну и работа!</i>	<i>Скучища!</i>	<i>Глупость!</i>	<i>Молодец! Вот тебе и машина!</i>

Употребление номинативных предложений без субъектной синтаксемы характерно для репродуктивно-описательного регистра, который обусловлен точкой зрения присутствующего наблюдателя; см. пример:

Аполлон Аполлонович посмотрел за дверь кабинета: письменные столы, письменные столы! Кучи дел! К делам склоненные головы! Скрипы перьев! Шорохи переворачиваемых листов! Какое кипучее и могучее бумажное производство! (А. Белый, Петербург).

Благодаря словообразовательной системе русского языка изосемические предикаты разных типовых значений могут модифицироваться в именные номинативные предикаты, при этом к исходному типовому значению добавляются модусные смыслы, связанные с регистровой предназначенностью именных предложений.

3.2. Коммуникативная грамматика квалифицирует именительный падеж в номинативных предложениях как сказуемое, его семантический тип обусловлен типовым значением модели и взаимосвязан с типом субъектного компонента.

Именные предложно-падежные синтаксемы могут выражать субъекта личного, не-личного, вне-личного, пропозиционального. Для субъекта вне-личного (пространственного) частотным является его невыраженность (*Ночь, улица, фонарь, аптека, бессмысленный и тусклый свет* – Блок) что обнаруживает присутствие субъекта модуса (наблюдателя), появление локативной синтаксемы разграничивает диктумное и модусное пространство.

Номинативные предложения занимают (как синонимы) периферию изосемических моделей с соответствующими типовыми значениями.

Номинативная модификация базовых предикатов характеризуются особыми средствами выражения предикативности: конструктивно-синтаксическими (неглагольными) и глагольной связкой.

Правила употребления связки отражают (а) семантику модели предложения, (б) дистанцию между изображаемым и точкой зрения говорящего, (в) степень убежденности говорящего, а следовательно, определяются синтаксическим статусом модели, ее местом в синтаксическом поле русского предложения.

Исследование текстовых возможностей «изолированного именительного падежа» показало, что принятые в русской синтаксической традиции термины – «номинативное предложение», «именительный темы», «обращение», «вокативное предложение» – были выделены и интуитивно разграничены на основании их соотносительности с разными моделями речевой деятельности, с разными коммуникативными регистрами. Различия в интонационном оформлении изолированного именительного обнаруживают функционально-семантические различия между самостоятельными синтаксемами именительного падежа и их тесную связь с разными текстовыми условиями.

Примечания

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 1, Братислава, 1954.

Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 2001.

Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987, с. 198-205.